

— На этом и разойдемся, я пойду, — Мо Цзиньшэн внезапно остановился. — Ах да, чуть не забыл: завтра я уже вряд ли смогу тебе это сказать, так что на экзамене ни пуха ни пера.

— А?

Не успела она спросить, почему он не сможет сказать это завтра, как Мо Цзиньшэн уже скрылся из виду. Поразительно, как это ему удается так быстро передвигаться.

Вернувшись домой, Су Яньцзю увидела, что окно распахнуто настежь. Холодный воздух ворвался в комнату, заставляя шторы лениво колыхаться.

— Странно, когда это я успела открыть окно? — Она подошла, чтобы закрыть его, и случайно заметила в коробке маленький комочек. — Ты здесь? И где же ты пропадал всё утро?

Закрыв окно, Су Яньцзю подошла к Сяо Цзану и подняла его на ладони. Тот смотрел на неё с самым невинным видом, словно совершенно не понимал, о чем она говорит.

— Не притворяйся, что не понимаешь. Не знаю, правда ты не слышишь или только делаешь вид.

Она большим пальцем легонько погладила его круглый мягкий животик. Сяо Цзан время от времени дергал лапками в знак протеста, но, поняв бесполезность своих усилий, быстро сдался.

Оставив его на столе, девушка обессиленно рухнула в кресло и уставилась в одну точку.

— Ни пуха ни пера на экзамене? — Су Яньцзю вздохнула. — С чего это я вдруг вспомнила его слова?

Сяо Цзан моргнул, лег на стол и, склонив голову набок, принялся наблюдать за ней.

— Как же скучно. Вот если бы легенды оказались правдой...

В один миг комната опустела. Су Яньцзю приподнялась, чувствуя, что что-то не так.

— Сяо Цзан?

Только что сидевший на столе зверек исчез в мгновение ока. Комната казалась пустой и зловеще тихой. Она вышла в гостиную — там царила мертвая тишина и густая тьма, лишь крошечные огоньки на электроприборах едва очерчивали контуры предметов.

Нет, даже если ночью всегда тихо, холодильник должен хоть немного гудеть. Почему же ни звука? А за окном? Как бы поздно ни было, всегда найдется хоть одно светящееся окно. Да даже если все погасли, уличные фонари ведь должны гореть?

Она выглянула наружу — только бесконечная, непроглядная тьма. Казалось, во всем доме осталась лишь она одна. Звуки её собственного дыхания и биения сердца разносились по темной квартире, пугающе громко.

— Мам? Пап?

Голос гулко отразился от стен пустой гостиной. Ответа не последовало. Воздух словно застыл, и внезапно её пробрал такой холод, что, казалось, он проникает до самых костей. Она вздрогнула.

Вглядываясь в размытые очертания мебели, она внезапно почувствовала себя бесконечно одинокой. Вспомнилось, как давно, много лет назад, она просыпалась одна — и засыпала одна. Пила холодную воду, ела вчерашние остатки еды, даже не удосужившись их разогреть. Она не понимала: если родители были совсем рядом, почему они ни разу не пришли к ней? С тех пор как она начала себя осознавать, она ни на миг не чувствовала, что они — настоящие родители. А потом, после долгого исчезновения, они вдруг объявились, называя себя её отцом и матерью, и начали распоряжаться её жизнью, как ни в чем не бывало.

Внезапно зажегся свет. Ослепительные лампы заставили её зажмуриться. Когда глаза привыкли, она увидела, что в центре гостиной на столе стоят две поминальные таблички. Белая ткань, белые цветы, фотографии родителей.

Казалось, весь мир сузился до этого стола. Она даже не задумалась, кто включил свет. Только сейчас она осознала: как бы сильно она их ни недолюбливала, они навсегда останутся её родителями, эта истина вросла в её кровь, её невозможно вытравить.

Фотографии смотрели на неё с мягкими улыбками. Су Яньцзю не хотела верить, что это правда, и дрожащим голосом звала их снова и снова.

— Можешь не звать. Они мертвы, — раздался холодный, но знакомый голос.

К её горлу приставили лезвие. Оно было холодным, но сердце Су Яньцзю было холоднее.

— Брат, почему?

Су Фэнхан усмехнулся:

— Ты ещё смеешь спрашивать? Если бы не ты, были бы они мертвы?

Су Яньцзю обернулась, воскликнув в отчаянии:

— Это не я! Не я! Почему ты мне не веришь?

— Дело не в том, что я не хочу верить. Факты перед глазами.

Внезапно дом охватило пламя. Клубы густого дыма заполнили пространство. Су Фэнхан убрал нож и, пытаясь, исчез в огне. Су Яньцзю отчаянно боролась, но ничего не могла поделать. Огонь лизал её кожу, дым сдавливал горло, не давая дышать.

Когда сознание начало меркнуть, а мир вокруг погрузился в полумрак, чья-то рука протянулась к ней. Она увидела свою обожженную, изуродованную руку, тянущуюся навстречу этой чистой, белой ладони.

Сяо Цзан смотрел, как Су Яньцзю, уснув в кресле, хмурится, словно во сне её преследует что-то ужасное. Вспыхнул белый свет, и Сяо Цзан обернулся человеком. Он бережно подхватил Су Яньцзю, перенес на кровать и укрыл одеялом.

Она беспокойно ворочалась, словно продолжая бороться. Сяо Цзан опустился на колени у кровати, осторожно разгладил складку между её бровей и поправил выбившиеся пряди волос. В этот момент голова Су Яньцзю качнулась и прижалась к его ладони. Он почувствовал, какая она прохладная и мягкая, и на миг ему не захотелось убирать руку.

Лицо Су Яньцзю согрелось, она вдруг успокоилась и перестала метаться. Глядя, как она погружается в глубокий сон без кошмаров, он с легкой улыбкой прошептал:

— Спокойной ночи.

С неохотой убрав руку, он подошел к двери и погасил свет. Комната погрузилась во тьму. Сяо Цзан снова принял свой истинный облик и вернулся в коробку.

Сон продолжался.

Су Яньцзю крепко держала ту руку. Пейзаж вокруг внезапно изменился: она стояла на крыше самого высокого небоскреба, глядя на разрушенный, объятый дымом город. Кто-то внизу заметил её. Странно, но, несмотря на огромное расстояние, она отчетливо слышала каждое слово:

— Это не та ли ведьма?

— Разрушила город до основания, и у неё ещё хватает наглости стоять там!

— И не говори. Город Г превратился в руины только из-за неё.

— Она что, собирается перебить нас всех? Столько людей погибло, а ей всё мало?

Теплая ладонь внезапно сжала её холодную руку. Она обернулась и увидела знакомое лицо, но, как ни старалась потом вспомнить, так и не смогла понять, кто это был. Тот человек нежно погладил её по щеке, стирая слезы — только сейчас она поняла, что плачет. Он прижал её к себе, и крики ненависти внезапно стихли. В ушах звучал лишь один голос:

— Сяо Цзю, не бойся. Я рядом.

Раздражающее щекотание на лице стало невыносимым. Су Яньцзю вскинула руку и схватила что-то мягкое. На ощупь приятно, только вот почему-то оно дергается. Она медленно открыла глаза, глядя в белый потолок. Было чувство, будто она что-то забыла. Потянувшись, она села и разжала пальцы, чтобы посмотреть, что у неё в руке...

Сяо Цзан, наконец обретший свободу, смотрел на неё с такой обидой, что Су Яньцзю стало неловко.

— Хи-хи, прости, пожалуйста. Ты же знаешь, какая я во сне, откуда мне было знать, что это ты?
— Она поспешила перевести тему: — Хорошо, что ты не ушел.

Взглянув на кровать, она вдруг вспомнила:

— Постой, я же тебя не купала, а ты уже по моей кровати ползаешь!

Она двумя пальцами брезгливо приподняла его. Сяо Цзан в знак протеста замахал крыльями и беспомощно задрогал ногами в воздухе. Поняв, что сопротивление бесполезно, он отвернулся, всем своим видом показывая, что больше не желает с ней разговаривать.

Су Яньцзю ткнула его в животик:

— Ну что, я не права? Хочешь сказать, что ты чистенький?

Сяо Цзан торопливо закивал, прикрыв живот лапками, и выглядел при этом так комично, что Су Яньцзю не выдержала и прыснула со смеху:

— Ладно-ладно, мой Сяо Цзан самый чистый. Но впредь постарайся не лазить ко мне в кровать, когда я сплю, а то вдруг раздавлю.

За дверью раздался стук.

— Сяо Цзю, ты ещё не встала? Опоздаешь ведь!

— Сейчас, уже иду! — Су Яньцзю небрежно бросила Сяо Цзана в коробку, наспех причесалась и выбежала.

Быстро умывшись и проглотив пару ложек еды, она вернулась. Собираясь, спросила:

— Ты в рукаве или в коробке?

Услышав это, Сяо Цзан тут же прыгнул к ней на руку и юркнул в рукав. Су Яньцзю улыбнулась: совсем как раньше, любит сидеть у неё в рукаве. Подумав, она всё же положила коробку в рюкзак.

Меня зовут Лу Аньмин. Вы, возможно, уже забыли меня, но я всё же представляюсь.

Я родился в обычной семье. Родители были не слишком образованными, много и тяжело работали, но жили небогато, хотя на хлеб хватало. Можно сказать, что среди нас четверых я был самым счастливым. Мои родители были мягкотелыми, и это передалось мне. Из-за этого меня нередко обижали, но чаще я просто был словно тень, пустое место.

Но их появление всё изменило. Когда меня обижали, они всегда заступались за меня, не глядя на меня так, как остальные.

Сяо Цзю всегда говорит, что я очень добрый человек. Не знаю, насколько я добрый, но я точно знаю, что добрая — она. Я никогда не осмелюсь сказать, что понимаю её, даже если знаю всё на свете или провел с ней бок о бок много времени. Но одно я знаю точно: какая бы беда ни случилась, она всегда остается доброй, и она никогда меня не разочаровывала.

<http://bllate.org/book/18898/1847494>